

Религиоведение. 2024. № 1. С. 112–119.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 1. P. 112–119.

DOI: 10.22250/20728662_2024_1_112

Пишун С.В.¹, Чжу Цзяу²

¹ Дальневосточный федеральный университет; ² Университет Цзимэй
¹ 690922, Россия, г. Владивосток, пос. Аякс, д. 10, кампус ДВФУ
² 361021, Китай, пров. Фуцзянь, г. Сямынь, р-н Цзимэй, ул. Иньцзян, 185
¹ pishoons@mail.ru; ² adaward@mail.ru

Религиозный смысл нравственной философии И. Канта в интерпретации православного академического теизма

С.В. Пишун

Чжу Цзяу

Аннотация. В статье проводится разбор критики русскими теистами из духовных академий нравственного учения И. Канта. Православные авторы подвергли сомнению попытку Канта отделить сферу этического от эмпирической реальности. Они полагали, что хотя этика основана на сверхэмпирических началах, тем не менее, её основания и содержание раскрываются в опыте. Русские философы-теисты указывали на непоследовательность и противоречивость Канта в его намерении обосновать тезис о том, что коренные основы нравственности находятся в самом человеке. По их мнению, признание «самодостаточности» человека неизбежно приведёт к этическому нигилизму. Православные философы настаивали на сверхъестественных основах феномена этического.

Ключевые слова: нравственная философия И. Канта, духовно-академическая философия, основания этики, «религия разума», обоснование нравственности, нравственный формализм

Sergey V. Pishun¹, Zhu Jiawu²

¹ Far Eastern Federal University; ² Jimei University
¹ build. 10, FEFU, the village of Ajax, Vladivostok, 690922, Russia
² 185 Yinjiang St., Jimei District, Xiamen, prov. Fujian, 361021, China
¹ pishoons@mail.ru; ² adaward@mail.ru

Religious Meaning of the Moral Philosophy of I. Kant in the Interpretation of Orthodox Academic Theism

Abstract. The article analyzes criticism from Russian theists of the spiritual academies on I. Kant's moral teaching. Orthodox authors questioned Kant's separation of the sphere of ethics from empirical reality, believing that although ethics are based on super-empirical principles, its foundations and content are still revealed in experience. Russian theist philosophers pointed to Kant's inconsistencies and his inability to substantiate the claim that the fundamental basis of morality lies within man himself. They argued that recognizing a person's "self-sufficient" nature will inevitably lead to ethical nihilism, and emphasize the supernatural origins of the phenomenon of the ethical.

Key words: moral philosophy of I. Kant, spiritual and academic philosophy, foundations of ethics, "religion of mind", justification of morality, moral formalism

В русской духовно-академической науке XIX – начала XX вв. всегда присутствовало повышенное внимание к наследию И. Канта. Православные авторы из всех четырёх духовных академий (Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской) опубликовали десятки работ о критической философии великого кенигсбергского мыслителя. В частности, глубоким и всесторонним пониманием отличаются работы о Канте таких духовно-академических авторов, как митр. Антоний (Храповицкий) [Антоний (Храповицкий), 1894], А.И. Введенский [Введенский, 1895], М.И. Каринский [Каринский, 1873], В.Н. Карпов [Карпов, 1860], А.А. Кириллович [Кириллович, 1893], В.Д. Кудрявцев-Платонов [Кудрявцев, 1906], П.И. Линицкий

[Линицкий, 1885], Д.П. Миртов [Мирторв, 1905], архиеп. Никанор (Бровкович) [Никанор (Бровкович), 1888], П.В. Тихомиров [Тихомиров, 1899] и др. При этом в ходе исследования критического учения Канта православные теисты часто обращались к исследованиям ряда западных авторов – В. Виндельбанда [Виндельбанд, 1905], Э. Диттеса [Диттес, 1900], Куно Фишера [Куно Фишер, 1906], Г. Мартенсена [Мартенсен, 1890], Фр. Паульсена [Паульсен, 1899], А. Фуллье [Фуллье, 2020], Э. Целлера [Целлер, 1914] и др. Существенная часть работ этих авторов, где анализировалась философия Канта, переводилась на русский язык и издавалась в России. Полноту внимания к учению Канта со стороны философов и богословов из духовных академий отмечали в своих исследованиях современные специалисты в области истории русской философии А.И. Абрамов [Абрамов, 1994], Б.В. Емельянов [Емельянов, 2014], О.Д. Мачкарина [Мачкарина, 2009], И.В. Цвык [Цвык, 2002] и др. [Пишун, 2023]. Само по себе постоянное обращение разных авторов к воззрениям Канта, непрерывающаяся критика его идей уже на протяжении не одного столетия свидетельствует об особой жизненности его концепций. По этому поводу сам Кант написал, что критические сочинения имеют то преимущество перед догматическими, что заставляют с большей силой и пытливостью работать мысль человека над лучшими обоснованием и уяснением принятых положений [Кант, 1994, 429].

Одним из важнейших направлений духовно-академической рецепции наследия Канта явилось критическое исследование его нравственной философии. Признавалось, что Кант пытался резко отделить область эмпирической действительности от области собственно этической. В понимании кенигсбергского профессора, обоснование нравственности должно базироваться не на психологических данных, а на априорно-гносеологических предпосылках. Но русские философы-теисты высказывали сомнения в том, что в реальности может быть осуществлено такое непримиримое разграничение. По их мнению, необходимо вслед за Кантом признать, что основания этики по своему источнику **сверх**-эмпиричны, но также необходимо утверждать, что они неизбежно даны в опыте и что благодаря этому они могут быть предметом научного исследования.

Православные философы исходили из того, что учение о нравственности неразрывным образом связано с учением о нравственной природе человека. В этом смысле психологические элементы нравственной природы человека неизбежно должны учитываться в самом учении о нравственности. Кант был решительным противником вторжения психологии в этику, но это его отторжение от психологии в вопросах морали выглядело, как полагали православные философы, неубедительно. Психология проникала со всей очевидностью в его построения. Поэтому православные авторы считали обязательным в ходе построения учения о морали привносить в него психологический элемент, учитывать соответствующие чувства, влечения человека. Православные авторы указывали на то, что мировоззрение Канта «носит на себе несомненные черты христианского влияния» [Макаровский, 1914, 400], хотя Канта весьма сложно считать «сыном христианской церкви» [Макаровский, 1914, 400], и они не могли согласиться с тезисом французского спиритуалиста А. Фуллье о том, что «кантианство есть самая возвышенная и утончённая форма христианства» [Фуллье, 2020, 133]. Одновременно с признанием воздействия христианства на философию Канта, особенно на его этику, духовно-академические философы отмечали стремление кенигсбергского профессора превратить христианство в «религию разума», в которой уже не будет никаких тайн. В силу данных обстоятельств критика этики и философии религии Канта со стороны духовно-академических теистов была неизбежной.

С точки зрения православных авторов, для нравственной психологии христианства неприемлема точка зрения Канта, что основы нравственности находятся в самом человеке – и источником их является его воля. В самом деле, согласно Канту, нравственность есть дело исключительно человеческое и по своему происхождению, и по средствам осуществления. Источником нравственного закона у него является чистый разум человека, в акте полной свободы обязывающий себя повиноваться своему же закону. Человек не может объяснить себе этой «непонятной» способности, но она, несомненно, существует в каждом человеке и раскрывает себя

в виде всеобщего формального принципа нравственности, которому нет никакой необходимости придавать божественные атрибуты. Разумеется, у православных теистов в отношении тезиса о том, что нравственность должна быть всецело человеческой, была иная точка зрения. Так, А. Макаровский из Санкт-Петербургской духовной академии, критикуя учение Канта о человеческой природе как источнике нравственности, отмечает следующее: «В жизни всё исходит от Бога и к Богу возвращается. Нравственность потому и стоит неизбежно, что её источник не подлежит никаким изменениям. Принцип нравственности **прирождён** людям – вот согласно свидетельству Ветхого и Нового Завета... Христианство признаёт трансцендентное значение основ нравственности. Человек, как сотворённое Богом существо, в своей деятельности определяется той же Божественной Волей. Нравственный закон есть Воля Божия, написанная в глубине человеческих сердец; она – внутренний голос в человеке, напоминающий неумолчно о том, что человек имеет сверхчужественное происхождение и потому необходимо должен осуществлять в человеческой жизни то, для чего единственно она и дана ему» [Макаровский, 1914, 404–405]. Известный православный богослов и моралист И.Л. Янышев также считал, что основа нравственности **прирождена** человеку и что с психологической стороны она есть не рассудок, а чувство. Он полагал, что нравственными поступками мы называем те, которые соответствуют требованиям нравственного закона, и в этом контексте для человеческой природы неизбежно естественно стремиться к исполнению нравственного закона, иметь нравственное влечение [см. Янышев, 1906, 143–145]. Нам представляется, что на взгляды И.Л. Янышева существенное влияние оказала работа «Христианское учение о нравственности» датского богослова и моралиста Ганса Мартенсена, переведённая на русский язык в 1890 г. В этом смысле позиция православных философов по неприятию кантовского тезиса об исключении психологии из исследования природы морали отражала общую точку зрения европейского постгегелевского философского теизма середины и второй половины XIX века. В понимании представителей духовно-академической науки сознание такого уровня самодостаточности человека в вопросах нравственности вообще трудно допустимо в человеке, пусть всё это даже можно теоретически стройно и логически правильно обосновать. Кант якобы просто **переоценивает** естественные силы и средства человека. Ряд русских теистов считал, что абстрактный мир нравственного автономизма Канта в практической области может привести к нежелательным последствиям. Признание самодостаточности человека здесь может выродиться в признание аристократической морали «сверхчеловека» Фр. Ницше. При этом православные теисты, рассуждая о «нравственном ничтожестве» человека как несомненном свойстве его временной жизни, не отрицали в человеке его богоподобных свойств, **в силу** которых можно вести человека от низшего к высшему, избавляя его от рабства миру и делая его «сыном Божиим».

Подобно В.С. Соловьёву [Соловьёв, 1905, 172] и ряду западных историков философии [см.: Паульсен, 1899, 4; Фуллье, 2020, 235], духовно-академические философы признавали Канта представителем идеалистического направления в этике, положительно оценивали его консерватизм в этике, высокую оценку роли человеческой личности, отрицание эвдемонизма и детерминизма в теории морали. Но тут же они указывали, что защита Кантом идеалистически-аскетической нравственности не вполне убедительна. С их точки зрения, основная ошибка Канта состояла в том, что он защищает общезначимость нравственности исключительно с гносеологической точки зрения, что не избавляет этику, вопреки собственным намерениям Канта, от налёта субъективизма и делает её формалистически-бессодержательной, совершенно оторванной от психологической действительности. Представители духовно-академической философии вполне могли согласиться со словами В.С. Соловьёва о том, что **обоснование** нравственности у Канта оказывается недостаточным, потому что «субъективная этика, то есть учение о внутренних определениях нравственной воли (сначала материальных – в этике эмпирической, а затем, и главным образом, формальных в этике рациональной), необходимо требует знания этики объективной, то есть учения об условиях действительного осуществления нравственных целей» [Соловьёв, 1903, 113].

Русские философы-теисты сетовали на то, что И. Кант в своей системе этики не дал надлежащего обсуждения понятию личного совершенства как цели нравственной деятельности. Вместо этого кенигсбергский профессор стремится развивать собственное учение о благодати, которое православными авторами полностью отвергалось в силу «явного пренебрежения истинному христианскому чувству» [Макаровский, 1914, 512]. По мнению Канта, понятие благодати может быть применено лишь в отрицательном или «проблемном» смысле: «Веровать в то, что действия благодати могут и, возможно, даже должны существовать для восполнения несовершенства нашего стремления к добродетели, – вот всё, что мы можем сказать об этом» [Кант, 1994, 188]. Православные теисты упрекали Канта в непоследовательности, в том, что, с одной стороны, для него в морали разума и в религии нет никаких тайн, с другой стороны, в его понимании необходимости признания религиозных тайн, когда Кант заявляет: «В отношении того, что может совершить лишь Бог и применительно к чему попытка сделать что-то своими силами превышает наши способности, а значит и наш долг, – тут только и может существовать тайна в собственном смысле, а именно священная тайна (misterium) религии, о которой нам было бы, возможно, полезно знать и понимать, что таковая существует, но отнюдь не пытаться в неё проникнуть» [Кант, 1994, 151].

Возникает вопрос – если человек избавлен в своей эмпирической ограниченности от всяких воздействий сверхчувственного порядка, то с очевидностью следует, нет и не может быть никакого места для благодати в моральной религии Канта. Но у кенигсбергского профессора благодать сохраняет определённый смысл в качестве, как отмечает Фридрих Иодль, «глубокого уразумения той истины, что хотя мы и можем выполнить нашу работу и наши дела только при посредстве сознания, тем не менее и самая высокая производительность сознательной воли имеет свои границы» [Иодль, 1898, 37]. С точки зрения православных философов, это указание на недостаточность человеческих сил и невозможность точного исполнения нравственного закона совершенно естественно и понятно для общечеловеческого сознания. Да и сам Кант прекрасно понимал слабости и бессилие самозаконной человеческой воли, но при этом он так и не разрешил в своей этике своеобразной антиномии между тем, что сознание имеет все права заявлять, что нравственный закон обязателен для человека, но следование ему превышает силы человека и потому невозможно. Тем более, как отмечал философ из Санкт-Петербургской духовной академии А. Макаровский, непоследовательным выглядит категорическое отрицание Кантом любого значения благодати в вопросе нравственного развития человека. Сам Кант склонен был понимать благодать в смысле чисто внешней силы, которая совершенно чужда человеческой воле и потому «чужой делатель» недопустим в деле личного спасения каждого [Макаровский, 1914, 515]. Но затем кенигсбергский профессор начинает проявлять колебания в своём строгом критицизме. Так, лишний раз подтверждая, что «мы не можем ни познать где бы то ни было в опыте сверхчувственный предмет, ни тем более оказать на него влияние, чтобы склонить на нашу сторону», он, тем не менее, пронизательно добавляет: «хотя иногда в душе возникают благотворные для нравственности побуждения, которые нельзя объяснить и перед лицом которых мы вынуждены признаться в своём невежестве: “Ветер веет, куда он хочет, но ты не знаешь, откуда он приходит”» [Кант, 1994, 188].

Кант не признавал какой-либо «божественной помощи» в этике, с тем большей очевидностью обнаруживается невозможность для его этики конкретной **надежды**. Однако сам Кант ссылаясь на субъективную потребность надежды и считал, что без неё невозможно представить сам процесс нравственного совершенства. Это указание на то, что человеку всегда следует **надеяться**, пронизывает содержание некоторых его работ по этике и педагогике. Поэтому, с точки зрения православных теистов, кажутся очень странными и психологически ничем не подкреплёнными его упования на грядущее моральное царство, хотя сами по себе его эти бессодержательные чаяния «Царства Божия» были бы вполне приемлемы для верующего христианина: «Создание морального народа божьего – это <...> такой труд, исполнения которого можно ждать не от людей, а лишь от самого Бога. Но отсюда для человека всё же ещё не вытекает разрешения оставаться бездеятельным созерцателем этого

свершения и всё предоставлять промыслу, как если бы каждый занимался только своими личными моральными проблемами, а совокупность проблем рода человеческого (по его моральному определению) можно было предоставить высшей мудрости. Совсем наоборот, человек должен вести себя так, как если бы всё касалось его, – и лишь при этом условии он может надеяться, что высшая мудрость будет содействовать завершению его благомысленных усилий. Следовательно, желание всех благомыслящих людей таково: да придёт царство божье, да будет воля Бога на земле [Кант, 1994, 105–106]. Православные теисты были согласны с Кантом в том, что без смирения, сознания своей нравственной ограниченности невозможно деятельное стремление к дальнейшему нравственному прогрессу. Однако, сетовали они, Кант одновременно признаёт нравственную самодостаточность человека, и здесь возникает вопрос – на чём может базироваться смирение, как неизбежное качество субъективного нравственного процесса? В этике Канта постоянно поддерживается **верность** установленному самим же человеком идеалу, частичное следование которому способно пробуждать чувство самоудовлетворённости. Некоторые критики Канта называли такую точку зрения «практическим мешанством» [Иодль, 1898, 53], хотя сами православные теисты избегали таких оценок морального учения кенигсбергского профессора.

Источником таких противоречий внутри этики Канта, как полагали православные философы, – его «моральный рационализм», в том смысле, что разум совершенно откровенно объявляется им творцом нравственных ценностей. Кант был выдающимся представителем эпохи Просвещения, ядром которой как раз являлась опора на человеческий разум и поэтому «холодная, расчётливая рассудочность есть наиболее неприятная черта его этики» [Макаровский, 1914, 518]. На это накладывались и особенности личности самого Канта, который отличался строгой рассудительностью, с намеренным отрицанием за чувствами какого-либо значения в деятельности человека, не исключая и религиозной сферы [см.: Паульсен, 1899, 310].

С точки зрения русских философов из духовных академий, из-за признания «самодержавности» разума Кант фактически устраняет из нравственного действия и настроения всякое чувство и поэтому «нравственная область оказывается дубликатом логической» [Макаровский, 1914, 520]. Этот **нравственный формализм** Канта как бы «извергает» чувства из этики в силу того, что они – случайны, индивидуальны и потому не могут выступать в качестве всеобщего закона. Православные моралисты считали такое отрицание роли чувств в этике принципиально неверным. Такое противопоставление разума и чувства в этике Канта, как они считали, имеет гносеологические предпосылки, согласно которым чувство обусловлено в своём восприятии формой времени и потому не может претендовать на всеобщность. В противоположность этому тезису Канта православные авторы, в частности, архиеп. Никанор (Бровкович), наделяли чувства всеобщностью в неменьшей степени, чем разум [см.: Архиеп. Никанор, 1888, 311]. В силу этого чувства в их интерпретации способны выражать нравственно-всеобщее в индивидуальной форме. Сам Кант был согласен с тем, что без чувств не может существовать **человеческая** нравственность. Более того, с точки зрения православных моралистов, «одни чувства только и способны сообщать нравственной деятельности тот характер **жизненности** и **непосредственности**, которого совсем не находится в застывших формулах кантовской и этики» и в этом смысле «нравственное сознание никогда не может отказаться от того несомненного факта, что нравственное одобрение или неодобрение всегда совершается не в форме сознательного волевого акта, а именно в форме **невольного чувства**. Не логически устанавливаемая всеобщность и необходимость, а непосредственно-ощущаемая, интимная реальность нравственного чувства обеспечивает за нравственностью её изначальную, первичную данность в человеческом сознании» [Макаровский, 1914, 521–522]. В этом смысле гораздо продуктивнее, по мнению православных философов, не противопоставлять чувства и разум, а говорить об их «синергийном» единстве. Как отмечал представитель московской духовно-академической школы И.В. Попов, сама цельность человеческой природы требует, чтобы чувства и склонности были союзниками разума и под его контролем были бы орудием нравственного долга, причём наличие нравственных чувств даже требуется нрав-

ственным законом, потому что «они представляют собой живые силы, через которых единственно может требовать нравственный закон» [Попов, 1897, 371]. Лишь при таком условии, как полагал И.В. Попов, возможно видеть в нравственности «живое дело человека, а не отвлечённую теорию», поэтому совершенно справедливо, что «нравственное учение Канта, признающее один разум и отрицающее склонности, по сравнению с системами, признающими необходимость примирения разума и склонностей, – то же, что отвлечённое понятие “я” в сравнении с его конкретным воплощением во всей личности строго определённого субъекта» [Попов, 1897, 317]. Здесь требуется сближение чувства и склонностей с разумом, их постепенное нравственное преобразование, в противном случае будет нарастать их конфликт и создать подлинно цельно-жизненную моральную метафизику не получится. В этом смысле И.В. Попов, критикуя положения философской этики Канта, замечает следующее: «Праведник Канта, думающий только о том, чтобы действовать по правилам разума и тщательно устранять из определений воли всякую склонность, подобен государству завоевателей, в котором поработённые народы, уступая физической силе, проявляют внешние знаки своей покорности, в то время как душа их полна злобы, презрения и ненависти к своим победителям. Очевидно, что здесь нет истинной победы» [Попов, 1897, 326].

Заключение

Таким образом, православные авторы считали необходимым дополнить кантовский рационализм в области этики верой, которая исходит из ожидания божественной помощи верующему. Тем самым, в их понимании, преодолевается «нравственное несовершенство» человеческой природы. При этом недостаточно одной лишь эсхатологической победы над злым, необходимо непосредственное переживание подкрепляющей божественной силы, чтобы человек мог осуществлять свой нравственный подвиг. В то же время Кант, как полагали духовно-академические авторы, не принимает и не допускает в процесс нравственного развития человека **реального** присутствия божественной помощи. В силу этого нравственная деятельность по необходимости, по словам православных философов, носит у него достаточно мрачный колорит и ввергает в пессимизм (несмотря на первоначальный оптимизм его учения об автономии нравственности), поскольку нравственная природа человека в своей слабости и порочности прямо противостоит требованиям нравственного долга.

Библиографический список

1. Абрамов, А.И. Кант в русской духовно-академической философии / А.И. Абрамов // Кант и философия в России. – М.: Наука, 1994. – С. 81–113.
2. Антоний (А.П. Храповицкий). Нравственное обоснование важнейшего христианского догмата (Приложение к разбору учения Канта об оправдании) // Богословский вестник. – 1894. – № 3. – С. 420–436.
3. Буткевич, Т.И. Неверие XIX века / Т.И. Буткевич // Вера и разум. – 1899. – № 10. – Отд. филос. – С. 605–624.
4. Введенский, А.И. Учение Канта о пространстве: (Разъяснение и критика) / А.И. Введенский // Богословский вестник. – 1895. – № 7. – С. 73–102.
5. Виндельбанд, В. История Новой философии в её связи с общей культурой и отдельными науками / В. Виндельбанд. Т.2. От Канта к Ницше. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1905. – 420 с.
6. Глаголев, С.С. Религиозная философия Канта / С.С. Глаголев // Вера и разум. – 1904. – № 3. – С. 91–114.
7. Диттес, Фр. Критические этюды о нравственной философии Спинозы, Лейбница, и Канта / Фр. Диттес. Перев. под ред. С. Грузенберга. – СПб., 1900. – 63 с.
8. Емельянов, Б.В. Персоналогия русской мысли / Б.В. Емельянов. – Нижневартовск: Издательство Нижневартовского университета, 2014. – 391 с.
9. Иодль, Фр. История этики в новой философии / Фр. Иодль. Перев. под ред. В.С. Соловьёва. – М., 1898. – Т. 2.
10. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Собрание сочинений в 8-ми т. – М.: Издательство «ЧОРО», 1994. – Т. 3. – 741 с.
11. Кант, И. Религия в пределах только разума / И. Кант // Собрание сочинений в 8-ми т. – М.: Издательство «ЧОРО», 1994. – Т. 6. – 613 с.

12. Каринский, М.И. Критический обзор последнего периода германской философии / М.И. Каринский // Христианское чтение. – 1873. – № 1. – С. 1–75.
13. Карпов, В.Н. Философский рационализм новейшего времени / В.Н. Карпов // Христианское чтение. – 1860. – Кн. 3–6.
14. Кириллович, А.А. Учение Канта об оправдании: (Изложение и разбор) / А.А. Кириллович // Богословский вестник. – 1893. – № 11. – С. 260–290.
15. Кудрявцев, В.Д. Одностороннее понимание нравственного принципа в учении И. Канта / В.Д. Кудрявцев // Начальные основания философии. – СПб., 1906. – С. 432–434.
16. Куно Фишер. История новой философии. Т. 4 и 5: Иммануил Кант и его учение. Перев. Н.Н. Полилова, Н.О. Лосского и Д.Е. Жуковского / Куно Фишер. – СПб., 1906.
17. Линицкий, П.И. Критическая философия Канта: Результаты критической философии Канта и значение их для последующего развития философии / П.И. Линицкий // Вера и разум. – 1885. – № 11. – С. 449–481.
18. Макаровский, А. Учение Канта о нравственной природе человека и критическая оценка этого учения с точки зрения христианской психологии / А. Макаровский. – СПб., 1914. – 553 с.
19. Мартенсен, Г. Христианское учение о нравственности / Г. Мартенсен. Пер. А.П. Лопухина. Т.2. Учение о личной и общественной нравственности. – СПб., 1890. – 816 с.
20. Мачкарина, О.Д. Рецепция немецкой философии в России XIX века / О.Д. Мачкарина. – Мурманск: Издательство МГТУ, 2009. – 203 с.
21. Миртов, Д.П. Нравственная автономия по Канту и Ницше / Д.П. Миртов. – СПб., 1905. – 66 с.
22. Архиеп. Никанор. Позитивная философия и сверхчувственное бытие. – СПб., 1888. – Т. 3.
23. Паульсен, Фр. Иммануил Кант. Его жизнь и учение / Фр. Паульсен. Пер. Н.О. Лосского. – СПб., 1899. – 356 с.
24. Пишун, С.В. Нравственный формализм И. Канта в интерпретации русской духовно-академической философии конца XIX-начала XX века / С.В. Пишун // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2023. – № 3. – С. 115–120.
25. Попов, И.В. Естественный нравственный закон: (Психологические основы нравственности) / И.В. Попов. – Сергиев Посад: 2-ая тип. А.И. Снегирёвой, 1897. – 598 с.
26. Соловьёв, В.С. Собрание сочинений в 9-ти т. Т.2 (1878–1880): Критика отвлечённых начал / В.С. Соловьёв. – СПб: Издание товарищества «Общественная польза», 1903. – 406 с.
27. Соловьёв, В.С. Собрание сочинений в 9-ти т. Т.7 (1894–1897) / В.С. Соловьёв. – СПб: Издание товарищества «Общественная польза», 1905. – 677 с.
28. Тихомиров, П.В. Проблема и метод кантовой критики познания / П.В. Тихомиров. – Харьков, 1899. – 51 с.
29. Фуллье. Критика новейших систем морали / Фуллье. – М.: Изд-во ЛКИ, 2020. – 414 с.
30. Цвык, И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в.: Историко-философский анализ / И.В. Цвык. – М., 2002. – 325 с.
31. Целлер, Э. Кантовский принцип морали и противоположность формальных и материальных принципов морали / Э. Целлер // Новые идеи в философии. – 1914. – № 14. – С. 1–40.
32. Юркевич, П.Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта / П.Д. Юркевич // Юркевич П.Д. Философские произведения. – М.: Издательство «Правда», 1990. – 466–528.
33. Янышев, И.Л. Православно-христианское учение о нравственности / И.Л. Янышев. – СПб., 1906. – 462 с.

Текст поступил в редакцию 18.07.2023.

Принят к печати 16.08.2023.

Опубликован 28.03.2024.

References

1. Abramov A.I. *Kant I filofosofiya v Rossii* [Kant and philosophy in Russia]. Moscow: “Nauka” Publ., 1994, pp. 81–113 (in Russian).
2. Anthony (A.P. Khrapovitsky). *Bogoslovskiy vestnik* [Theological Bulletin]. 1894, no. 3, pp. 420–436 (in Russian).
3. Archbishop Nicanor. *Pozitivnaya filofosofia i sverhchuvstvennoe bytie* [Positive philosophy and hypersensitive being]. St. Petersburg, 1888, vol. 3 (in Russian).
4. Butkevich T.I. *Vera i razum* [Faith and reason]. 1899, no. 10, pp. 605–624 (in Russian).
5. Dittes Fr. *Kriticheskie etjudy o nrvastvennoy filofosofii Spinozy, Leibnitsa i Kanta*. [Critical studies on the moral philosophies of Spinoza, Leibniz, and Kant]. Perv. ed. S. Gruzenberg. St. Petersburg, 1900, 63 p. (in Russian).
6. Emelyanov B.V. *Personologia russkoy mysli*. [Personology of Russian thought]. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk University, 2014, 391 p. (in Russian).

7. Fullier A. *Kritika noveyshih sistem morali* [Criticism of the latest morality systems]. Moscow: Publishing House of LKI, 2020, 414 p. (in Russian).
8. Glagolev S.S. *Vera i razum* [Faith and reason]. 1904, no. 3, pp. 91–114 (in Russian).
9. Jodl F. *Istoria etiki v novoy filosofii* [History of ethics in the new philosophy]. Vol. 2. Transl. by V.S. Solovyova. Moscow, 1898 (in Russian).
10. Kant I. *Sobranie sochineniy v 8-mi t.* [Collected works in 8 vols.]. Vol. 3. Moscow: “CHORO”, Publ., 1994, 741 p. (in Russian).
11. Kant I. *Sobranie sochineniy v 8-mi t.* [Collected works in 8 vols.]. Vol. 6. Moscow: “CHORO”, Publ., 1994, 613 p. (in Russian).
12. Karinsky M.I. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading]. 1873, no. 1, pp. 1–75 (in Russian).
13. Karpov V.N. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading]. 1860. Book 3-6 (in Russian).
14. Kirillovich A.A. *Bogoslovskiy vestnik* [Theological Bulletin]. 1893. no. 11. P.260-290 (in Russian).
15. Kudryavtsev V.D. *Nachal'nye osnovaniya filosofii* [Initial foundations of philosophy]. St. Petersburg, 1906, pp. 432–434 (in Russian).
16. Kuno F. *Geschichte der neueren Philosophie*, 1898 (Russ. ed.: Kuno F. *Istoria novoy filosofii*. Vols. 4 and 5: Immanuel Kant and his teachings. Transl. by N.N. Polilova, N.O. Lossky and D.É. Zhukovsky. St. Petersburg, 1906).
17. Linitzky P.I. *Vera i razum* [Faith and reason]. 1885, no. 11, pp. 449–481 (in Russian).
18. Machkarina O.D. *Receptia nemetskoj filosofii v Rossii XIX veka* [Reception of German philosophy in Russia of the XIX century]. Murmansk: MSTU Publ., 2009, 203 p. (in Russian).
19. Makarovskiy A. *Uchenie Kanta o npravstvennoy prirode cheloveka i kriticheskaya otsenka etogo uchenia s tochki zrenia hristianskoy psihologii*. [Kant's teaching on the moral nature of man and a critical assessment of this teaching from the point of view of Christian psychology]. St. Petersburg, 1914, 553 p. (in Russian).
20. Martensen H. *Hristianskoe uchenie o npravstvennosti* [Christian ethics]. Transl. by A.P. Lopukhin. Vol. 2. The doctrine of personal and public morality. St. Petersburg, 1890, 816 p. (in Russian).
21. Mirtov D.P. *Npravstvennaya avtonomia po Kantu i Nitzhe* [Moral autonomy according to Kant and Nietzsche]. St. Petersburg, 1905, 66 p. (in Russian).
22. Paulsen F. *Immanuel Kant. Ego zhizn i uchenie* [Immanuel Kant. His life and teaching]. Transl. by N.O. Lossky. St. Petersburg, 1899, 356 p. (in Russian).
23. Pishun S.V. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanities in the Far East]. 2023, no. 3, pp. 115–120 (in Russian).
24. Popov I.V. *Estestvenniy npravstvenniy zakon (Psihologicheskie zakony npravstvennosti)* [Natural moral law: (Psychological foundations of morality)]. Sergiev Posad: Vtoraya tipografiya A.I. Snegireyov Publ., 1897, 598 p. (in Russian).
25. Solovyov V.S. *Sobranie sochineniy v 9 tomah* [Collected works in 9 vols]. Vol. 7 (1894–1897). St. Petersburg: Publication of the Public Benefit Partnership, 1905, 677 p. (in Russian).
26. Solovyov V.S. *Sobranie sochineniy v 9 tomah* [Collected works in 9 vols]. Vol. 2 (1878–1880): Criticism of distracted principles. St. Petersburg: Publication of the Public Benefit Partnership, 1903, 406 p. (in Russian).
27. Tikhomirov P.V. *Problema i metod kantovoy kritiki poznania* [The problem and method of cantic criticism of cognition]. Kharkov, 1899, 51 p. (in Russian).
28. Tsvyk I.V. *Duhovno-akademicheskaya filosofia v Rossii v XIX veke: Istoriko-filosofskiy analiz* [Spiritual and academic philosophy in Russia of the 19th century: Historical and philosophical analysis]. Moscow, 2002, 325 p. (in Russian).
29. Vvedensky A.I. *Bogoslovskiy vestnik* [Theological Bulletin]. 1895, no. 7, pp. 73–102 (in Russian).
30. Windelband V. *Istoria Novoy filosofii v ee sviazi s obschei kulturoy i otdelnimi*. [The history of New Philosophy in its connection with the general culture and individual sciences]. Vol. 2. From Kant to Nietzsche. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova Publ., 1905, 420 p. (in Russian).
31. Yanyshv I.L. *Pravoslavno-hristianskoe uchenie o npravstvennosti* [Orthodox-Christian doctrine of morality]. St. Petersburg, 1906, 462 p. (in Russian).
32. Yurkevich P.D. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical works]. Moscow: “Pravda” Publ., 1990, pp. 466–528 (in Russian).
33. Zeller E. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. St. Petersburg, 1914, no. 14, pp. 1–40 (in Russian).

Submitted for publication: July 18, 2023.
Accepted for publication: August 16, 2023.
Published: March 28, 2024.